

Максим Станиславович МАТЕЙКОВИЧ —
директор Института государства и права
Тюменского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
ISL@jurati.ru

УДК 342.721+343.131

«КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ» УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается взаимодействие конституционных и уголовно-процессуальных норм в правовой системе современной России.

SUMMARY. The article deals with cooperation of constitutional and criminal procedural norms in the legal system of modern Russia.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Конституционализация, конституционно-правовые нормы, уголовный процесс.

KEY WORDS. Constitutionalization, constitutional norms, criminal procedure.

Термин «конституционализация» отрасли права впервые предложен судьей Конституционного Суда Российской Федерации, профессором Г.А. Гаджиевым применительно к гражданскому законодательству [1; 13-14]. Для уголовного процесса «конституционализация» предполагает усиление роли Конституции как базы для развития уголовно-процессуального права, всестороннее укрепление взаимосвязей конституционных и уголовно-процессуальных норм, жесткий контроль уголовно-процессуального регулирования через механизмы конституционного правосудия.

Осмелимся предположить, что базовое, фундаментальное значение конституционно-правовых норм оказывает на уголовный процесс самое существенное влияние. Дело в том, что нормы данной отрасли законодательства облачают в процессуальную форму уголовное преследование, которое, с одной стороны, призвано защитить основополагающие права и свободы человека, ставшего жертвой преступного посягательства, — жизнь, здоровье, собственность, неприкосновенность и т. д., а с другой стороны, чаще всего имеет результатом ограничение этих же прав у лица, совершившего преступление. Если же принять во внимание небезосновательное суждение М.В. Баглая о том, что предмет конституционного права охватывает только две основные сферы общественных отношений, одна из которых — охрана прав и свобод человека [2; 5-6], то совместное применение конституционных и собственно уголовно-процессуальных норм неизбежно происходит едва ли не в каждом уголовно-процессуальном правоотношении.

«Конституционализация» уголовного процесса императивно обусловлена трагической российской историей, в ходе которой десятилетиями наблюдалось применение уголовных репрессий в отрыве от конституционных норм. Так, Конституция СССР 1936 г. закрепила вполне демократические основы уголовного судопроизводства, в том числе:

- осуществление правосудия в СССР только судами (ст. 102);
- открытое разбирательство дел во всех судах СССР (законом не предусмотрены исключения) с обеспечением обвиняемому права на защиту (ст. 111);
- независимость судей и подчинение их только закону (ст. 112);
- обеспечение гражданам СССР неприкосновенности личности, выражающейся в том, что никто не должен был подвергаться аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора (ст. 127) [3].

Все эти нормы абсолютно не соотносились с уголовно-процессуальным законодательством, неслучайно следующий после принятия «сталинской» Конституции год стал самым «кровавым» по масштабу проведенных политических репрессий. В частности, оперативным приказом НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов все репрессируемые разбивались на две категории:

а) к первой относились «все наиболее враждебные из перечисленных выше элементов». Они подлежали «немедленному аресту и, по рассмотрении их дел на тройках — РАССТРЕЛУ»;

б) ко второй категории относились «все остальные менее активные, но все же враждебные элементы». Они подлежали «аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них — заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки».

Названным приказом предопределялись не только меры наказания, но и количество репрессируемых. В частности, только по рассматриваемому приказу расстрелу в течение четырех месяцев подлежали 75950 чел., допускалось также объективное вменение в отношении членов семей репрессированных. В состав «тройки», осуществлявшей судебные функции, входили руководитель республиканского (краевого, областного) органа НКВД, секретарь обкома ВКП (б) и, как правило, прокурор [4]. Обратите внимание: грубейшие нарушения Конституции санкционировались даже не законом, а секретным актом наркома. «Тройки» были ликвидированы только постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 ноября 1938 г. № 4387, в котором отчасти признавались чудовищные последствия проведенных репрессий и предусматривалось требование о соблюдении норм Конституции [5]. Однако и впоследствии уголовно-процессуальное законодательство, а также практика его применения были довольно далеки от буквы и духа советских Конституций.

Разработчики Конституции Российской Федерации 1993 г., видимо, не могли не учитывать печальный опыт прошлого, поэтому действующий Основной закон уделяет колоссальное внимание общему нормированию уголовно-процессуальных отношений. Помимо межотраслевых установлений о высшей ценности прав и свобод человека (ст. 2), верховенстве Конституции и федеральных законов (ст. 4), обязательности опубликования законов и иных нормативных правовых актов, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина (ст. 15), обеспечении прав и свобод человека правосудием (ст. 18), равенстве каждого перед судом (ст. 19), конституционных принципов правосудия (ст.ст. 121-123) и др., Конституция закрепляет собственно фундаментальные основы уголовного процесса, а именно:

- запрет пыток, насилия, другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания (ч. 2 ст. 21);

- допустимость ареста, заключения под стражу и содержания под стражей только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов (ч. 2 ст. 22);

- допустимость ограничения права каждого на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений только на основании судебного решения (ч. 2 ст. 23);

- запрет на проникновение в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения (ст. 25);

- право обвиняемого в совершении преступления на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом (ч. 2 ст. 47), и обязательное предоставление такого права обвиняемому в совершении особо тяжкого преступления против жизни, за которое федеральным законом установлена смертная казнь (ч. 2 ст. 20);

- право каждого задержанного, заключенного под стражу, обвиняемого в совершении преступления, пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения (ч. 2 ст. 48);

- презумпция невиновности (ст. 49);

- запрет на повторное осуждение за одно и то же преступление (ч. 1 ст. 50);

- принцип допустимости доказательств (ч. 2 ст. 50);

- право каждого осужденного за преступление на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, а также право просить о помиловании или смягчении наказания (ч. 3 ст. 50);

- свидетельский иммунитет (ст. 51);

- предоставление государством доступа к правосудию и компенсации причиненного ущерба потерпевшим от преступлений и злоупотреблений властью (ст. 52);

- запрет на заочное разбирательство уголовных дел в судах, кроме случаев, предусмотренных федеральным законом (ч. 2 ст. 123);

- уголовное судопроизводство как средство осуществления судебной власти (ч. 2 ст. 118);

- статус Верховного Суда Российской Федерации как высшего судебного органа по уголовным делам (ст. 126).

Столь масштабное конституционное регулирование оказывает чрезвычайно мощное воздействие на уголовно-процессуальное законодательство, которое и в своих нормах, и особенно в практике применения очень тяжело адаптируется к требованиям Основного закона страны. Из 270 постановлений Конституционного Суда Российской Федерации, вынесенных по состоянию на 1 декабря 2008 г., 34 имеют непосредственным предметом рассмотрения Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Именно Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 7 июля 2004 г. № 13-П сформулирован тезис о правовой и гуманитарной ценности Уголовно-процессуального законодательства как отдельной отрасли в системе отечественного законодательства: оно имеет «особую важность для защиты прав и свобод человека и гражданина и интересов общества в целом», а без его соблюдения «никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию» [6].

При этом уголовно-процессуальное законодательство также оказывает колоссальное воздействие на механизм реализации конституционных норм. Достаточно вспомнить, что ч. 2 ст. 22 Конституции России длительное время не применялась именно в силу того, что самой Конституцией вступление в силу данной нормы увязывалось с изменением уголовно-процессуальных норм (п. 6 р. II Конституции Российской Федерации).

Проверка конституционности уголовно-процессуального законодательства не только существенно видоизменила уголовный процесс в сторону обеспечения прав и свобод личности, но и обогатила саму конституционно-правовую теорию. Так, теоретики права и конституционалисты длительное время спорили о правилах разрешения коллизий между нормативными правовыми актами одинаковой юридической силы. Именно в постановлении о проверке Уголовно-процессуаль-

ного кодекса Российской Федерации на данный вопрос был дан вполне исчерпывающий ответ: «В отношении федеральных законов как актов одинаковой юридической силы применяется правило “lex posterior derogat priori” (“последующий закон отменяет предыдущие”), означающее, что даже если в последующем законе отсутствует специальное предписание об отмене ранее принятых законоположений, в случае коллизии между ними действует последующий закон; вместе с тем независимо от времени принятия приоритетными признаются нормы того закона, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений» [6].

Однако нам бы не хотелось создать впечатление, будто подходы конституционалистов, отражением которых становятся правовые позиции Конституционного Суда, — панацея от всех дефектов нормативного регулирования процедуры уголовного судопроизводства. Нужно признать, что некоторые правовые позиции усиливают неясность правового регулирования и тем самым негативно влияют на механизм обеспечения прав и свобод личности.

Согласно ст. 405 («Недопустимость поворота к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора») УПК Российской Федерации пересмотр в порядке надзора обвинительного приговора, а также определения и постановления суда в связи с необходимостью применения уголовного закона о более тяжком преступлении, ввиду мягкости наказания или по иным основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, а также пересмотр оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении уголовного дела, не допускаются. Не такой уж частый пример вполне четкого правового предписания. Каким же образом трансформируется приведенное правило после оглашения постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2005 г. № 5-П [7]?

Цитируем дословно резолютивную часть: «Признать ст. 405 УПК Российской Федерации в той мере, в какой она в системе действующего уголовно-процессуального регулирования пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда, не допуская поворот к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора по жалобе потерпевшего (его представителя) или по представлению прокурора, не позволяет тем самым устранить допущенные в предшествующем разбирательстве существенные (фундаментальные) нарушения, повлиявшие на исход дела, не соответствующей Конституции Российской Федерации». В чем состоят существенные и фундаментальные нарушения, а в чем — несущественные и нефундаментальные — большего простора для принятия усмотренческих решений придумать вряд ли возможно.

В данном случае далеко не безупречна и мотивация вынесенного вердикта. Главным образом она сводится к обеспечению равенства правовых возможностей добиваться пересмотра вступившего в законную силу обвинительного приговора суда: как стороны обвинения — потерпевших, прокурора, так и стороны защиты — обвиняемых, осужденных, оправданных, их защитников и законных представителей. Как отмечает Конституционный суд, «из ч. 1 ст. 402 во взаимосвязи со статьей 405 УПК Российской Федерации следует, что право потерпевшего и его представителя, а также прокурора ходатайствовать о пересмотре вступившего в законную силу судебного постановления по основаниям, ухудшающим положение осужденного (оправданного), сводится лишь к формальной возможности обратиться в суд надзорной инстанции с соответствующим ходатайством и заведомо не предполагает его удовлетворение. <...> Осужденный (оправданный), напротив, не ограничен в возможности ходатайствовать о пере-

смотре судебного решения по основаниям, улучшающим его положение, и такое ходатайство является обязательным для рассмотрения и разрешения по существу приведенных в нем доводов судом надзорной инстанции. Тем самым сторона защиты ставится в преимущественное положение по отношению к стороне обвинения — потерпевшему, его представителю и прокурору, что не согласуется с конституционными предписаниями об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон, ведет к нарушению баланса конституционно защищаемых ценностей, в том числе прав и законных интересов осужденных, с одной стороны, и прав и законных интересов других лиц, публичных интересов — с другой, к неправомерному ограничению прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью и противоречит требованиям обеспечения им доступа к правосудию, компенсации причиненного ущерба, гарантий судебной защиты».

Все это звучало бы вполне убедительно, если бы при этом принималась во внимание правоприменительная практика. По данным общероссийской статистической отчетности, в 2007 г. по сравнению с предыдущим годом на 4,7% (до 10,2 тыс. лиц) снизилось число оправданных (0,8% от общего числа лиц, в отношении которых вынесены постановления по существу дела), из них 57% оправданы по делам частного обвинения [8].

Кроме того, некорректно вообще говорить о равенстве прав оправданного и потерпевшего. Оправданный — это не преступник, это обычный человек, поэтому защита интересов потерпевшего состоит не в осуждении оправданного, а в поиске подлинного преступника.

Нельзя забывать и о тех трудностях, с которыми сопряжено оформление надзорной жалобы для осужденного, особенно если он находится в местах лишения свободы.

В этой связи конституционализация уголовного процесса должна происходить таким образом, чтобы юридические нормы рассматривались в единстве с практикой их применения, чтобы видоизменение уголовно-процессуальных норм происходило, в том числе, в сторону усиления их четкости и определенности, что является одним из главных условий обеспечения прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М., 2004. С. 13-14.
2. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М., 1999. С. 5-6.
3. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.). М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1937.
4. АП РФ, ф. 3, оп. 58, д. 212, л. 55-78.
5. АП РФ, ф. 3, оп. 58, д. 6, л. 85-87.
6. Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 27. Ст. 2804.
7. Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 22. Ст. 2194.
8. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в сети Интернет (http://www.cdep.ru/material.asp?material__id=330).